

Два приятеля / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Два приятеля / новелла ДВА ПРИЯТЕЛЯ

Париж был осажден, голодал, задыхался. Воробьев на крышах становилось все меньше, сточные канавы пустели. Ели что попало.

Г-н Мориссо, часовщик по профессии и солдат в силу обстоятельств, уныло и с пустым желудком прогуливался в ясное январское утро вдоль внешнего бульвара, заложив руки в карманы форменных штанов; внезапно он остановился перед другим солдатом, узнав в нем своего старого приятеля. То был г-н Соваж, его знакомец по рыбной ловле.

До войны каждое воскресенье, на рассвете, Мориссо отправлялся по железной дороге в Аржантей с бамбуковой удочкой в руке и жестяною коробкою за спиной. Он доезжал до Коломба, оттуда пешком добирался до острова Марант и, достигнув этого места своих мечтаний, закидывал удочку и рыбачил до самой ночи.

Каждое воскресенье встречал он там другого рыболова-фанатика, г-на Соважа, веселого и дородного человечка, торговца галантереей с улицы Нотр-Дам-де-Лорет. Часто проводили они по полдня, сидя рядышком с удочкой в руке, свесив над водой ноги, и скоро между ними возникла тесная дружба.

Бывали дни, когда они совсем не разговаривали. Иногда же беседовали, но чудесно понимали друг друга и без слов, так как у них были общие вкусы и одинаковые переживания.

Весною, по утрам, часов в десять, когда помолодевшее солнце поднимало над спокойной рекою легкий пар, уносящийся вместе с водою, и славно припекало спины ярых рыболовов, Мориссо порою говаривал соседу:

– А? Какова теплынь!

На что г-н Соваж отвечал:

– Не знаю ничего приятнее.

И этого им было достаточно, чтобы понимать и уважать друг друга.

Осенью к концу дня, когда небо, окровавленное заходящим солнцем, отражало в воде очертания пурпуровых облаков, заливало багрянцем всю реку, воспламеняло горизонт, освещало красным светом обоих друзей и позлащало уже пожелтевшие деревья, трепетавшие ознобом зимы, г-н Соваж, глядя с улыбкой на г-на Мориссо, говорил:

– Каково зрелище?

И Мориссо, восхищенный, отвечал, не отрывая глаз от поплавок:

– Это будет лучше бульваров, не правда ли?

Узнав теперь друг друга, они обменялись крепким рукопожатием, взволнованные встречей при столь изменившихся обстоятельствах.

Г-н Соваж, вздохнув, тихо сказал:

– Ну и дела!

Мориссо угрюмо простонал:

– Погода-то какова! Сегодня первый ясный день с начала года.

Небо действительно было совсем синее и залито светом.

Они пошли рядом задумчиво и печально. Мориссо снова заговорил:

– А рыбная ловля? А? Вот приятные воспоминания!

Г-н Соваж спросил:

– Когда только мы опять вернемся туда?

Они вошли в маленькое кафе, выпили абсенту и снова стали бродить по тротуарам. Вдруг Мориссо остановился:

– Не пропустить ли еще стаканчик?

Г-н Соваж не возражал:

– К вашим услугам.

Они зашли в другой кабачок.

Когда они вышли оттуда, головы их были сильно отуманены, как бывает с людьми, основательно выпившими на пустой желудок. Было тепло. Ласковый ветерок порхал по их лицам.

Г-н Соваж, которого совсем развезло от теплого воздуха, остановился:

– А не отправиться ли нам туда?

– Куда?

– Ловить рыбу.

– Но куда же?

– Да на наш остров. Французские аванпосты стоят у Коломба. Я

знаю полковника Дюмулена; нас пропустят легко.

Мориссо задрожал от желания.

– Хорошо. Я согласен.

И они расстались, чтобы захватить свои рыболовные снасти.

Час спустя они шагали рядом по большой дороге. Добрались до дачи, занимаемой полковником. Он улыбнулся, выслушав их просьбу, дал согласие на их каприз, и они отправились дальше, снабженные паролем.

Вскоре они оставили за собою аванпосты, прошли через покинутый жителями Коломб и очутились на краю маленького, спускавшегося к Сене виноградника. Было около одиннадцати часов утра.

Деревня Аржантей, напротив них, казалась вымершей. Высоты Оржемон и Саннуа господствовали над всей окрестностью. Широкая долина, идущая к Нантерру, с ее оголенными вишневыми деревьями и серою землей, была пуста, совершенно пуста.

Г-н Соваж, указывая пальцем на горы, прошептал:

– Пруссаки там наверху!

И беспокойство охватило обоих друзей при виде этой опустевшей местности.

«Пруссаки!» Они ни разу еще не видели, но уже несколько месяцев ощущали их вокруг Парижа – невидимым и всемогущим, разорявшим Францию, грабившим, убивавшим, морившим голодом людей. И ненависть, которую они питали к неизвестному и побеждавшему народу, соединялась у них со своего рода суеверными ужасом.

Мориссо пролепетал:

– А что, если мы их встретим?

Г-н Соваж отвечал с тем зубоскальством, которое, несмотря ни на что, всегда свойственно парижанину:

– Мы угостим их жареною рыбой!

Тем не менее они медлили идти дальше в поля, как бы пугаясь этого безмолвия окрестности.

Наконец г-н Соваж решился:

– Ну, идем! Но только осторожно!

Они спустились по винограднику ползком, согнувшись в три погибели, пользуясь для прикрытия каждым кустом, беспокойно оглядываясь и настороженно прислушиваясь.

Оставалось пройти лишь полосу пустой земли, чтобы достигнуть речного берега. Они пустились по ней бегом и, достигнув обрыва, притаились в сухих тростниках.

Мориссо приложил ухо к земле, прислушиваясь, не раздаются ли поблизости шагов. Ничего не было слышно. Они были одни, совсем одни.

И успокоившись, они принялись удить рыбу.

Обезлюдивший остров Марант, находившийся против них, скрывал их от другого берега. Маленькое здание ресторана было заколочено и казалось заброшенным много лет тому назад.

Г-н Соваж выудил первого пескаря, Мориссо поймал второго, и они стали то и дело вытаскивать удочки, где на конце лесы трепетала серебристая рыбка; то была поистине чудесная ловля.

Они осторожно клали рыбу в веревочную сетку с мелкими петлями, мокнувшую в воде у их ног. Восторженная радость переполняла их, радость, охватывающая человека, когда он возвращается к любимому удовольствию, которого был долго лишен.

Ласковое солнце пригревало им спины; они ничего не слышали, ни о чем не думали, забыли весь мир; они удили.

Но внезапно глухой звук, словно подземный удар, потряс землю. Пушки начинали грохотать снова.

Мориссо повернул голову и над берегом, налево, увидел высокий силуэт Мон-Валерьяна, вершина которого была украшена белым султаном – только что выпущенным пороховым облачком.

И тотчас над вершиною крепости взлетело второе облачко, а несколько секунд спустя прогремел новый выстрел.

Потом последовали другие. Гора ежеминутно изрыгала смертоносное дыхание, выбрасывая клубы молочного пара, и они медленно подымались в спокойном небе, образуя над нею облако.

Г-н Соваж пожал плечами.

– Снова принимаются, – сказал он.

Мориссо, беспокойно следивший за ежеминутным нырянием своего поплавок, почувствовал вдруг, что его охватывает гнев миролюбивого человека против тех безумцев, которые никак не могли прекратить драку. И он проворчал:

– Какими надо быть идиотами, чтобы так убивать друг друга.

Г-н Соваж добавил:

– Это хуже, чем у зверей!

Мориссо поймал уклейку и заявил:

– И подумать только, что так будет всегда, пока будут существовать правительства!

Г-н Соваж остановил его:

– Республика не объявила бы войны...

Но Мориссо продолжал:

– При королях война идет с внешним врагом, а при республике – внутри страны.

И они спокойно принялись спорить, разрешая важные политические вопросы с точки зрения здравого смысла мирных и ограниченных людей, сходясь на том, что люди никогда не будут свободны. А Мон-Валерьян грохотал без умолку, разрушая своими ядрами французские дома, обрывая жизни, уничтожая людей, кладя конец стольким мечтам, разрушая столько фантазий, столько лелеемых радостей, столько надежд на счастье, причиняя сердцам женщин, сердцам девушек, сердцам матерей, здесь и в других странах, страдания, которым никогда не будет конца.

– Это жизнь, – заявил г-н Соваж.

– Скажите лучше: это смерть, – возразил, улыбаясь, Мориссо.

Но они вздрогнули в испуге, отчетливо услышав за собою шаги. Обернувшись, они увидели над своими головами четырех мужчин, четырех вооруженных и бородатых мужчин, одетых как бы в ливреи, подобно лакеям, и с плоскими фуражками на головах; эти люди целились в них из ружей.

Удочки выскользнули из рук рыболовов и поплыли вниз по течению.

В несколько секунд их схватили, связали, понесли, бросили в лодку и перевезли на остров.

Позади дома, который им казался покинутым, они увидели десятка два немецких солдат.

Волосатый великан, кутивший большую фарфоровую трубку, сидя верхом на стуле, спросил у них на чистейшем французском языке:

– Ну, как, господа, хорош ли улов?

Один из солдат положил к ногам офицера сетку, полную рыбы,

которую он позаботился прихватить. Пруссак улыбнулся:

– Эге, я вижу, что ловилось неплохо. Но дело не в этом. Выслушайте меня и не волнуйтесь.

– На мой взгляд, вы – два шпиона, подсланные чтобы выследить меня. Я вас захватил и расстреляю. Вы делали вид, что заняты рыбной ловлей, чтобы замаскировать свои планы. Однако вы попались мне в руки: тем хуже для вас; такова война.

– Но вы шли через аванпосты, и у вас, конечно, имеется пароль, чтобы пройти обратно. Сообщите мне пароль, и я вас пощажу...

Оба друга, мертвенно-бледные, стоя рядом, молчали; их руки нервно подергивались.

Офицер продолжал:

– Никто об этом никогда не узнает, вы мирно вернетесь к себе. Тайна исчезнет вместе с вами. Если же вы откажетесь, – немедленная смерть! Выбирайте.

Они стояли неподвижно, не раскрывая рта.

Пруссак, по-прежнему спокойный, продолжал, протянув руку по направлению к реке:

– Подумайте, что через пять минут вы будете там, на дне. Через пять минут! Наверное, у вас есть родные?

Мон-Валерьен продолжал гремять.

Оба рыболова стояли безмолвно. Немец отдал какой-то приказ на своем языке. Затем он перенес свой стул, чтобы поместиться подальше от пленных, и двенадцать солдат стали в двадцати шагах от них с ружьями к ноге.

Офицер продолжал:

– Даю вам одну минуту, ни секунды больше.

Затем он вдруг встал, подошел к обоим французам, взял под руку Мориссо, отвел его в сторону и сказал шепотом:

– Ну, живо, пароль! Ваш товарищ ничего не узнает; я сделаю вид, что смягчился.

Мориссо ничего не ответил.

Пруссак отвел г-на Соважа и сказал ему то же самое.

Г-н Соваж тоже не ответил.

Их снова поставили рядом.

Офицер скомандовал. Солдаты вскинули ружья.

В эту минуту взгляд Мориссо случайно упал на сетку с

пескарями, оставшуюся на траве, в нескольких шагах от него. Луч солнца играл на куче рыбы, еще продолжавшей биться. И Мориссо охватила слабость. Как ни старался он владеть собою, глаза его наполнились слезами.

– Прощайте, господин Соваж, – пролепетал он.

Г-н Соваж ответил:

– Прощайте, господин Мориссо.

Они пожали друг другу руки, трясаясь с головы до ног в непреодолимой дрожи.

Офицер крикнул:

– Огонь!

Двенадцать выстрелов слились в один.

Г-н Соваж упал сразу, лицом вниз. Мориссо, выше его ростом, качнулся, перевернулся и рухнул поперек своего товарища, лицом кверху; струйки крови бежали из его куртки, пробитой на груди. Немец отдал новые приказания.

Солдаты разошлись и снова вернулись, с веревками и камнями, которые привязали к ногам убитых; затем отнесли тела на берег. Мон-Валерьен не переставал грохотать, окутавшись теперь целой горой дыма.

Двое солдат взяли Мориссо за голову и за ноги, двое других таким же способом подняли г-на Соважа, сильно раскачали их и далеко бросили в воду; тела описали дугу и стоймя погрузились в реку, так как камни тянули их ноги вниз.

Вода брызнула, забурлила, закипела, но постепенно ее волнение улеглось, лишь мелкие волны расходились к берегам.

На поверхности плавало немного крови.

Офицер, неизменно спокойный, сказал вполголоса:

– Теперь ими займутся рыбы.

И он направился к дому.

Вдруг он увидел на траве сеть с пескарями. Он поднял ее, осмотрел, улыбнулся и крикнул:

– Вильгельм!

Подбежал солдат в белом фартуке. И, бросая ему улов двух расстрелянных, пруссак скомандовал:

– Изжарь мне сейчас же этих рыбешек, пока они живы. Это будет восхитительное блюдо!

И он снова закурил трубку.

* * *

Напечатано в «Голуа» 24 марта 1883 года.

Париж был осажден. – Осада Парижа пруссаками началась 16 сентября 1870 года. В январе 1871 года, когда происходит действие новеллы, пруссаки начали артиллерийский обстрел Парижа.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. Некаýalar